

ГЛАВА 1

— Товарищ подполковник, Вилен Александрович, а ты бы сменил свою фамилию... сейчас это просто делается. А то как-то несолидно получается. Мы вроде бы с «бармалеями» воюем, а наш батальон возглавляет подполковник Бармалеев. Как ты вообще эту фамилию-то получил? Где нашел? Вроде бы и нет в природе такой... — Майор Лаптев, начальник штаба батальона военной разведки, перекладывал бумаги со стола в сейф и одновременно давал советы и что-то выписывал в большую общую тетрадь, по форме прошитую и, как полагаются, опечатанную...

— Я же из детского дома. А там нам давали фамилии на вкус директора, — добродушно объяснил командир батальона. — Он библиотеку детского дома полностью под свой контроль взял, чтобы нас с помощью хороших книг воспитывать. И как раз про Бармалея читал накануне моего там появления. Книги Чуковского я, признаться, с раннего детства не читал, даже детям, когда

они маленькие были. Их воспитанием полностью занималась жена, а я тогда все по командировкам мотался. Вот в детском доме директор и дал мне такую фамилию. Как только я там появился, так Бармалеевым и стал. За внешность, должно быть. Я в детстве очень серчавым выглядел. Но в детском доме уже был парень по фамилии Серчавый, на три года меня старше, а два Серчавых на один детский дом многовато. Да я уже с годами привык к своей фамилии, а менять ее ради частного случая... Я же не только здесь воевать намерен... Не только с «бармалеями». К тому же документов надо кучу менять. И удостоверение личности офицера, и паспорт, и водительское удостоверение, и еще много других документов, не считая того, что жене и детям тоже нужно будет сменить фамилию. И паспорта, и свидетельство о браке, и аттестаты об окончании средней школы. Старшему еще и диплом... А это по нынешним временам накладно для семейного бюджета. И дети уже давно привыкли к своей необычной фамилии. Да и в Питере, я слышал, есть улица Бармалеева, где когда-то владел домом полицейский ротмистр Бармалеев. Еще, кажется, в позапрошлом веке.

Над внешностью подполковника природа тоже постаралась, сделав его лицо не просто серьезным, но еще и сурово-угрожающим. Впечатление

при первом знакомстве складывалось такое, что Вилен Александрович смотрит так, словно хочет ударить и что-то недоброе сказать, хотя все подчиненные знали, что у Бармалеева добрейший нрав и он стремится понять любой поступок и проступок человека, и кое-кто этим умело пользовался с выгодой для себя и своей карьеры.

— Твое дело, тебе решать... — Майор сложил в сейф все свои бумаги, аккуратно, с нескрываемой любовью выровнял стопочку, сейф закрыл, опечата- л сначала металлической мастичной печатью, потом и бумажной со своим автографом и связку ключей вместе с металлической печатью спрятал в карман кителя, под бронежилет.

Бронежилет командира батальона висел на спинке соседнего стула — Бармалеев вообще был небольшой любитель себя отягощать и потому вне боя носил из всего комплекта экипировки «Ратник» только шлем с наушниками и КРУС¹ на кителе. Шлем подполковник носил для того, чтобы поддерживать постоянную связь со своим батальоном, а сама связь без КРУСа не работала. Приходилось и его цеплять на специальной клипсе под бронежилет на левое плечо, подальше от приклада автомата, хотя все в батальоне носили его сверху бронежилета, на

¹ КРУС — комплекс разведки, управления и связи, составная часть экипировки «Ратник».

сам броник и цепляя. Только стрелки-левши¹ носят КРУС на правом плече, чтобы приклад его случайно не помял и не поломал пластиковый корпус электронной игрушки.

Сам командир батальона был человеком чуть ниже среднего роста, внешне тщедушным и узкоплечим, но кто видел подполковника раздетым, что было возможно только в бане, тот говорил, что его тело представляет собой веревку, сплетенную из отдельных мышц. Да и все спортивные нормативы, даваемые для более молодых бойцов, комбат легко выполнял и перевыполнял — бегал он вполне на уровне даже специально отобранных для службы в спецназе спортсменов-легкоатлетов. На турнике, брусках и кольцах выполнял упражнения, доступные одним лишь гимнастам, и при этом, как говорили, не знал, что такое усталость. А про стрельбу, особенно по движущейся мишени, и говорить не

¹ Стрелки-левши — в армии левша и правша разделяются не по принципу главенствующей руки, а по принципу главенствующего глаза при прицеливании. Так, левша, целясь куда-то, закрывает правый глаз, а правша — левый. Следовательно, и приклад автомата у левши упирается в левое плечо, потому КРУС и подвешивается справа. Официально считается, что количество левшей и правой в армии примерно равное, хотя реальность показывает наличие только тридцати пяти — сорока процентов левшей.

приходилось. Спортсмены-стрелки на стрельбище только рот от удивления разевали. А ведь Бармалееву было уже за пятьдесят лет.

— Товарищ подполковник, товарищ подполковник... — почти прокричал в наушниках высокий голос командира разведроты капитана Труфанова. — «Бармалеи» в атаку пошли. Приближаются.

— Ты сам сейчас где? — спокойно спросил подполковник Бармалеев командира разведывательной роты.

— В передовом окопе, рядом с часовым...

— И не знаешь, что следует делать? — слегка ехидно заметил майор Лаптев, который слышал разговор в свои наушники и которому легкое ехидство было свойственно.

— Знаю, — признался Труфанов так, словно он сделал открытие. — Батальон! К бою!

Капитан дал время бойцам покинуть блиндажи и только после этого скомандовал почти без волнения — так на него подействовал спокойный тон подполковника:

— Начинают снайперы. Автоматчики подключаются позже, когда дальномер покажет возможность прицельной стрельбы. Ждать общую команду.

Сам комбат, услышав звуки артиллерийской стрельбы, облачился в бронезилет, так и оставив КРУС под ним, что вообще-то мешало переключе-

нию объектов связи, поверху надел и «разгрузку», висевшую на гвозде, вбитом подполковником собственноручно в бревно перекрытия, заменяющее традиционную балку, и кивнул младшему сержанту-связисту:

— Доложи в штаб, что противник пошел в атаку и начал с артобстрела. Спросят меня или майора Лаптева, скажи, мы в окопы ушли...

Так неназойливо командир батальона отдал приказ своему начальнику штаба следовать за собой, хотя майор Лаптев очень даже не любил артобстрелы и предпочитал пересидеть их в блиндаже, куда исключительно редко залетают шальные осколки. Неоткуда им просто прилететь — разве что в широкое и низкое окно без стекол влететь, а так стены вокруг. Но сидеть рядом с этим окном во время артобстрела может себе позволить только подполковник Бармалеев, но никак не майор Лаптев. Бармалеев обычно хладнокровен. Но и он позволяет себе эту роскошь только после того, как неподалеку разорвется один из снарядов. Сам он свое спокойствие объясняет тем, что из пушки, а тем более из гаубицы, которые «бармалеи» и используют для артобстрела, невозможно бывает послать снаряд в одно и то же место два раза — слишком велика отдача у орудия, слишком сильно она меняет направление следующего выстрела.

Уже относительно приблизившись, противник подключил к артобстрелу и минометы, которые, как подумалось Вилену Александровичу, рискованно подтащил по тому же «коридору» в минном поле ближе к российским позициям. «Рискованно» потому, что противнику следовало опасаться контратаки, при которой минометы могут быть захвачены или развернуты в противоположную сторону.

Прошло всего восемнадцать часов с предыдущей атаки, когда держащий позицию батальон был на две трети уничтожен, но не отступил и не сдал свою позицию, несмотря на то что этот батальон состоял из сирийцев. А они, как всем хорошо известно, бойцы не лучшие, и «бармалеи» собирались их смять сегодня же, во время следующей своей атаки. Но на место сирийского батальона был поставлен подвернувшийся под руку командующему южной группировкой российских войск полковнику Прохорову свежий, еще не потрепанный в боях батальон спецназа военной разведки, только недавно прибывший из России. И надежды сирийского командования вспыхнули с новой силой. Оно же обдумывало наступление по всему фронту, однако ИГИЛ в этот раз эти надежды разрушил, начав собственное наступление на юге.

Бармалеев услышал новые звуки в артиллерийской стрельбе и, вместо того чтобы выйти в окоп, как намеревался, посмотрел в окно.

— Танки пустили... Медленно идут... Стараются от пехоты не отрываться... Лаптев! Распорядись, чтобы «Корнеты»¹ подготовили.

Майор резко, почти бегом пересек блиндаж и присел за стол младшего сержанта-связиста, перенеся свой раскладной брезентовый стул. Он снял трубку одного из телефонов и стал договариваться о выставлении ПТРК². Но майору, видимо, задали встречный вопрос, и он вынужден был обратиться к подполковнику:

— Вилен Александрович, спрашивают, какое общее количество танков.

Бармалеев подошел к окну, выглянул, при-смотрелся.

— Пока я вижу три танковые роты³. Нет, вон четвертая показалась. Но, кажется, неполная. Мне за барханами плохо видно.

— Короче, товарищ подполковник, к нам высылают три броневых автомобиля «Тигр» с установками и два «Корнета» на треногах.

¹ «К о р н е т» — противотанковый ракетный комплекс, разработан тульским КБ машиностроения. Практически не имеет аналогов в мировом вооружении, уничтожает танки противника на дистанции от 100 до 5500 метров.

² П Т Р К — противотанковый реактивный комплекс.

³ Танковая рота состоит из трех взводов, по три танка в каждом, плюс танк командира роты, итого — десять танков.

— Когда будут?

— Уже выезжают. От них до нас добраться — семь-восемь минут... Продержимся?

— Простоим. Без разговоров... Снайперы! Начали...

В наушниках раздался залп. Но команды произвести залп не давал ни сам комбат, ни его начальник штаба. Возможно, сам залп получился случайным. В пользу этого говорил и тот факт, что выстрелы прозвучали не одновременно, а словно кто-то горсть гороха в пустое ведро бросил. Но, может быть, не все снайперы успели вовремя разобрать цели или кто-то, отключив микрофон, им скомандовал по привычке голосом. Такая привычка, знал Бармалеев, есть у командира разведроты капитана Труфанова.

Но главное было не в этом. Главное, залп оказался удачным. Бойцы ИГИЛ шли в «коридоре», который они создали в минном поле прошлой ночью. «Коридор» был шириной метров в пятьдесят — шестьдесят. И за счет своего большого количества, а наступали «бармалеи» силами двух с половиной батальонов, вынуждены были передвигаться локоть в локоть, то есть почти толкая друг друга. Особенно неприятно сложилась ситуация для тех, кто шел справа и слева. Время от времени они или сами по невнимательности заходили за выставленные ограничивающие «вешки», или их выталкивали

более массивные соседи, и «бармалеи» наступали на мины. Те, естественно, взрывались, и взрывы активировали расположенные неподалеку другие мины, отчего происходили новые взрывы, осыпающие колонну осколками. При этом колонна коротко, но ярко освещалась, что вообще-то мешало спецназовцам качественно прицеливаться.

Но уже после первого залпа снайперов первые ряды колонны значительно поредели. А стрельба вразнобой дополнительно делала свое дело.

Стремительно темнело. Солнце на западе скрылось за горами, и колонну «бармалеев» стало почти не видно. Так всегда бывает в южных странах, где вечер обычно проходит быстро, как, впрочем, и утро. Подполковник Бармалеев вынужден был включить на своем бинокле тепловизор. Теперь противник был хорошо различим. А впереди колонны людей ехали десять танков. Один танк впереди, остальные чуть приотстав, по три во втором и третьем ряду, два танка в четвертом и один танк последним, но машины ехали медленно, не желая отрываться от прикрывающей их пехоты. Научены опытом. Вчерашние противотанковые гранатометы сирийского батальона заставили противника проявлять осторожность.

— Интересно, командир роты в первом или в последнем танке? — вслух подумал подполковник Бармалеев. Но ему никто не ответил.

— Разберемся с железяками... — скорее в ответ на собственные мысли сказал майор Лаптев, пристраивая в окне автомат. — Вчера ночью, как мне между делом сообщили, была только одна танковая рота. Все танки гранатометами пожгли. Вон они стоят. Одни остовы остались... За день «бармалеи» с других участков фронта снять успели.

— На погибель... — резюмировал Бармалеев. — «Корнеты» прибыли...

Последнюю фразу подполковник произнес после того, как над головами спецназовцев пролетела ракета и ударила в танк, идущий последним из первой танковой роты. Тут же в танк, идущий первым, ударили еще две ракеты, заставив загореться и его. Но если последний танк никто не покинул — видимо, из трех членов экипажа никто не выжил — то из ведущего прямо на броню выскочил человек в горячей одежде. Он тут же, чтобы не мучился, был «снят» снайпером и упал на землю, раскинув руки, словно желал обнять земной шар.

Бармалеев включил на своем бинокле дальномер и определил расстояние. Дистанция позволяла стрелять и автоматчикам.

— Автоматчики! Стрельба вразнойбой! Огонь!

Первым на приказ комбата отреагировал его начальник штаба...

В шлеме загудело от выстрелов и лязганья переводимых газами затворов. Автоматы АК-12, стоя-

щие на вооружении спецназа военной разведки, снабжены глушителем, выполняющим одновременно и роль пламегасителя, и оптическим прицелом «Шахин» с эффектом тепловизионного видения. Это позволяло вести прицельную стрельбу, самим оставаясь невидимыми. А дистанция не доносила до противника неизбежные звуки от лязганья затвора, слышимые только через наушники, потому что во время стрельбы микрофон прижимается к прикладу.

Таким образом, «бармалеи» сразу даже не могли осознать свои потери. А они были значительными. Каждая из отсеченных очередей автомата несла по две пули, и при этом никто не стрелял просто в воздух. Противник ожидал, что огонь снайперов — это все, на что способен почти разбитый накануне сирийский батальон. Да никто из командиров подразделений бандитов и не подумал, что стреляют именно снайперы. Негде было сирийскому потрепанному батальону столько снайперов набрать. А противника встретили плотные очереди бойцов спецназа, стреляющих без промаха. Таким образом за короткое время было уничтожено приблизительно полтора батальона «бармалеев», которые хватились своих потерь слишком поздно.

А те не слишком смелые бойцы ИГИЛ, что прятались от очередей спецназа за горящие или еще

нет танки, осознав, что их осталось мало, первыми побежали к своим окопам. А за ними и остальные.

— Младший сержант, — обратился Бармалеев к связисту. — Вызывай соседей слева и справа на контратаку. Они только ждут момента. Обещали поддержать...

Он тут же протянул руку назад, за спину, и отстегнул клапан чехла своей малой саперной лопатки, а саму лопатку задорно подбросил в руке и тут же ее поймал. И вышел из блиндажа в окоп, где легко, как молодой, только ухватившись одной рукой за опалубку окопа, выпрыгнул на бруствер.

— Батальон! МСЛ¹ к бою! За мной! В контратаку! Вперед! Первая задача — захватить минометы. А дальше — ситуация подскажет...

И подняв МСЛ в руке, первым побежал в сторону противника.

Подполковник первым добежал до минометов, оставленных противником. Правда, некоторые из них «бармалеи» пытались разобрать и унести с собой, однако долго и быстро бежать, держа при

¹ МСЛ — малая саперная лопатка. Отточенная до остроты бритвы, считается фирменным оружием спецназа военной разведки. Используется и в качестве штыка, и в качестве ножа, и в качестве топорика. Не зря в спецназе в расписании занятий существует отдельная строка: «Фехтование на МСЛ».

этом в руках тяжеленный ствол или ненамного более легкую треногу, было попросту невозможно. А что касается чугунной тарелки опорной плиты, то тащить с собой такую тяжесть желающих вообще не нашлось. Хотя одну плиту все же забросили на удирающий с поля боя еще не поврежденный танк. Однако уже вскоре выстрел «Корнета» достал и его. Танк взорвался, сбросив вбок башню вместе с пушкой. Куда улетела опорная плита и кого она ударила — было непонятно, поскольку все произошло очень быстро и сам яркий взрыв не позволил это рассмотреть в тепловизионный прицел. Командир батальона почти догнал противника, несущего ствол от миномета. И тот вынужден был бросить свою ношу, чтобы спастись. Подполковник бросил в него свою лопатку, как индеец в кино бросает томагавк. Расстояние, судя по всему, для метания было очень даже подходящим. Лезвие вошло глубоко между лопаток в неприкрытую ничем, кроме камуфлированной куртки, спину, перерубив при этом позвоночник. Выхватив из упавшего лицом вниз тела лопатку, подполковник продолжил преследование. Следующий преследуемый тащил треногу, без которой невозможно было установить ствол. Но «у страха глаза велики», и этот страх вбрасывает в кровь адреналин, который, в свою очередь, удешевляет силы. «Бармалей» бежал так быстро,

что подполковник обратил внимание на то, что дистанция между ними сохраняется неизменной, и тогда он встал на одно колено, перехватил двумя руками свой автомат, прицелился и дал очередь в бритый затылок. Бандит упал прямо на треногу, придавив ее своим телом. Вытащить из-под бандита комплектующее миномета Бармалееву помог солдат, кажется, соседнего русского батальона, тоже подключившегося к контратаке. По крайней мере, по фамилии и в лицо он этого бойца не знал, а своих, кажется, всех помнил в лицо и по имени и даже слегка гордился этим.

— Тебе осталось ствол и опорную плиту подобрать — будешь стрелять из миномета, — сказал Бармалеев, подбадривая солдата.

— Командир взвода приказал добыть... — словно оправдываясь, сообщил боец.

— Волокушин! Не оставь свой взвод без трофейного оружия, — подсказал комбат командиру своего отдельного взвода старшему лейтенанту Антону Волокушину, во взводе которого уже имелся российский миномет «восемьдесят второго» калибра. — Хоть пару штук прикажи захватить...

Контратака между тем продолжалась. Поддержал ее и сирийский батальон, занимавший окопы с другой стороны от батальона спецназа. Сирийские бойцы, несмотря на то что считаются малопригод-

ными к войне солдатами, по крайней мере, создавали видимость массированных и подготовленных действий. Сирийцев было много. Бармалеев слышал, что сирийский батальон усилен пятью взводами. А пять взводов — это почти рота, да и просто рота по масштабам спецназа. Подобное усиление просто так не производится. Видимо, и правда сирийское командование мечтало о наступлении.

Малая саперная лопатка в руке Бармалеева только мелькала остро отточенными гранями, которые скоро перестали блестеть от крови. А сам Вилен Александрович все чаще и чаще вытирал рукой, согнутой в локте, пот со лба. В конце концов рука устала бить убегающих этим своеобразным легким топориком, и подполковник остановился, убрал МСЛ в чехол на спине, перехватил поудобнее автомат, дал подряд три прицельные очереди, заметил, что отдельные бойцы обгоняют его, и снова побежал, теперь уже стреляя. Бармалеев обогнал тех, что некоторое время назад обгоняли его, и снова возглавил контратаку.

Он первым перепрыгнул окоп «бармалеев», откуда в него даже стреляли, но, к счастью, не попали — в движущуюся мишень вообще попасть нелегко, а второпях тем более, противник может рассчитывать попасть только случайно. А сам подполковник погнал отступающих дальше, в барханы,

чувствуя за спиной мощную поддержку всего своего батальона.

Но перед комбатом встала дилемма: преодолеть окоп, повернуть направо или налево. Повернуть налево значило поддержать свой, российский батальон и помочь ему изгнать из окопов «бармалеев» с их, бандитского, правого фланга. Повернуть направо значило оказать поддержку и без того значительно усиленному сирийскому батальону. И все-таки Бармалеев повернул направо, посчитав, что российский батальон со своей задачей справится в любом случае, а сирийцы могут и отступить, и тогда вся операция будет провалена и наступление сорвется.

Бармалеев бросился догонять передовые ряды сирийского батальона и увидел, что большинство его бойцов устремилось вслед за ним. Лишь отдельные двинулись за батальоном слева, который, судя по всему, и без помощи со стороны действовал успешно.

А вот сирийские правительственные силы поторопились праздновать победу, частично уничтожив батальон левого фланга противника и частично изгнав его остатки из окопов. Причем изгнали не в чистое поле, не в барханы, а в соседний батальонный окоп. Хотя, очевидно, основная заслуга в этом принадлежит российскому спецназу. Силы первич-

но наступающих были сформированы в основном из батальона, который раньше стоял напротив «коридора» в минном поле. Таким образом, спецназ военной разведки расчистил сирийскому батальону путь — в самих окопах противника оставались лишь незначительные силы и раненые, которые не могли идти в атаку на позицию спецназа. Уничтожить их и изгнать остатки было делом нехитрым. Но изгнанные со своих позиций «бармалеи» объединились с силами батальона, стоящего левее от них, быстро переформировались и ударили по своему бывшему окопу, где сирийцы готовились уже праздновать победу. Уж что-что, а воевать «бармалеи» умеют. В этом командир батальона спецназа военной разведки уже имел возможность убедиться. Однако воевать они умеют в основном с не любящими вести боевые действия теми же сирийцами, а при столкновении с любыми профессиональными войсками пасуют. Тем более со спецназом. Ведь любые боевые действия складываются из множества мелких дел. И здесь сказывается обученность отдельных бойцов. А на стороне «бармалеев» есть только азарт, который без обученности мало что дает. Не существует качественной обученности и в сирийской армии, как нет и желания воевать. Исключение составляет разве что сирийский спецназ под руководством бригадного генерала Сухеля Аль-

Хасана, который качественно обучил своих отборных бойцов, и потому «бармалеи» предпочитают с ними не воевать.

С качеством обучения сирийской армии Бармалееву довелось столкнуться тут же, и он в который уже раз убедился, что это качество оставляет желать лучшего. В своем подразделении, чтобы не лишать командования батальон, подполковник запрещает майору Лаптеву ходить в атаку, хотя порой тот и рвется. А когда разрешает, то сам остается в штабном блиндаже. Так, Бармалеев недавно был ранен в правое плечо и потому не имел возможности прижать к этому плечу приклад или действовать саперной лопаткой. Тогда майор замещал его во всем, включая атакующие действия.

А в сирийском батальоне случилось так, что один за другим погибли командир батальона и его начальник штаба, и в батальоне не нашлось офицера, решившегося бы взять командование на себя и продолжить начатое наступление.

А пока получилось, что сирийцы дошли только до перешейка, разделяющего позиции двух батальонов «бармалеев». Ширина перешейка от силы достигала четырех метров. Один окоп очистили и радовались неимоверно достигнутому успеху. Чуть было в пляс не пустились, что сирийцам вообще-то свойственно. А в это время против-

ник произвел переформирование и одновременно тремя синхронизированными колоннами двинулся в атаку. Основная атака шла по центру — используя по длине только что оставленный окоп. Вторая колонна выдвигалась между окопом и минным полем. А третья пошла позади окопа, там, где шел вперед батальон подполковника Бармалеева. В итоге могло бы получиться так, что батальон Бармалеева, отступив он, подставил бы под удар сзади бойцов российского батальона майора Огнева, ушедшего на правый фланг «бармалеев». Допустить это было нельзя. У Огнева недостаточно и сил, и опыта, чтобы драться на два фронта, по сути дела в окружении. Хотя в спецназе и существует поговорка, что лучший бой — в окружении, тогда противник уж точно не убежит... Но ведь батальон майора Огнева — не спецназ. И его бойцов эта поговорка мало касается.

Но и сирийцы, почувствовав поддержку, повернулись лицом к врагу. И хотя они понесли значительные потери уже в первые минуты атаки «бармалеев», численное преимущество все равно было на стороне российско-сирийских сил, которые на каждую очередь бандитов отвечали двумя своими.

— Батальон! МСЛ — к бою! — скомандовал подполковник, вытащил свою лопатку и первым бросился на противника.

Один из «бармалеев» дал в него очередь, но бронежилет очередь выдержал, а удар лопатки снес стрелявшему половину головы. Замелькали другие лопатки. Спецназовцы стреляли, держа автомат в левой руке, а правые руки в это время сжимали черенки лопаток. «Бармалеи» такого боя не выдержали и резко повернули назад, сминая и роняя на песок тех, кто оставался у них за спиной. Им вдогонку стреляли и спецназовцы, и сирийцы. И «бармалеи», спасаясь от убийственных очередей, бежали мимо своего окопа, который сразу, словно по чьей-то команде, заняли сирийцы. Точно так же был выбит со своей позиции и следующий по счету батальон. А небо тут и там прочерчивали ракеты «Змеев Горынычей»¹, готовя «коридоры» в минном поле. Началось, кажется, общее наступление...

¹ «Змей Горыныч» — УР-77, советская самоходная реактивная установка разминирования. Создана на базе самоходной гаубицы 2С1 «Гвоздика». Серийно производится с 1978 года взамен УР-67. УР-77 способна проделывать ходы в противотанковых минных полях во время боя. Ширина прохода составляет около 6 метров, а длина от 80 до 90 метров. Несмотря на то что УР-77 не предназначена для разминирования противопехотных мин, установка может расчищать противопехотные минные поля от американских мин нажимного действия М14, создавая проходы шириной до 14 метров.

А все благодаря тому, что Бармалеев выбрал правильное направление движения для своего батальона и пошел не за российским батальоном, где мог бы обойтись вообще без потерь, а за сирийским, который сумел примером своего батальона вовремя развернуть в атаку и направить его действия...

Но тут Бармалеева нагнал младший сержант-связист с рацией в рюкзаке за плечами:

— Товарищ подполковник, товарищ подполковник... Приказ на отступление поступил. Приказано всем вернуться в свои окопы...

— Чей приказ? — сурово спросил командир батальона.

— Сирийского командования...

— Понятно. Они победить боятся! Себя бы лучше боялись...

* * *

Командующий объединенной группировкой генерал-полковник Сумароков лично вызвал к себе командира батальона спецназа военной разведки, чтобы высказать ему свое удовлетворение его действиями.

Генерал-полковник занимал кабинет в конце коридора здания бывшего аэропорта имени Басиля

Асада¹. Кабинет был просторным, и из широкого, во всю стену, окна открывался вид на весь аэродром, занятый российской авиацией. С края виднелся даже палаточный городок, имеющий свои улицы. А сам городок занимали в основном бойцы «морской пехоты» и летчики.

— Молодец, комбат, умеешь воевать... Так держать! — только и сказал в начале разговора генерал-полковник. — Однако твой батальон проходил же, если мне не изменяет память, специальное обучение... И потому я планирую использовать его впредь по прямому назначению. Полковник Прохоров воткнул тебя защищать фронт просто потому, что ты под руку подвернулся. Больше старайся не подворачиваться. Я сейчас подпишу приказ на выполнение задания, и ты на нем сосредоточишься. У тебя же пока, насколько мне известно, полный боекомплект в наличии. Вот и используй его.

— Понял, товарищ генерал, — ответил Бармалеев, привычно вытягиваясь по стойке «смирно».

— А курировать твои действия будет полковник Скорокосов из Главного управления Генерального штаба. Валерий Николаевич его звать-величать. Знаешь такого?

¹ Б а с и л ь А с а д , старший брат нынешнего президента Сирии. Пользовался любовью и доверием народа. Погиб в автомобильной катастрофе в 1994 году.

— Никак нет, товарищ генерал. Только слышал о нем. Но лично контактировать не доводилось.

— Иди сейчас к нему. Как выйдешь от меня, по правой стене пятая по счету дверь... Найдешь или проводить?

— Найду, товарищ генерал. Я следопыт опытный. И считать до пяти умею.

За окном уже стояла ночь. Темнота подступила стремительно. И даже самолеты и вертолеты угадывались только по контуру. А палаточный городок светился только фонарями, установленными на бетонных столбах, и белым цветом брезентовых палаток. Молодая луна тонкой полоской-ободком только-только выкатилась на востоке, по сути дела никого и ничего не освещая, кроме звезд. Но звезды, как всегда бывает на юге, светили ярко и казались очень низкими и близкими.

— Разрешите идти, товарищ генерал.

— Иди... Да, еще вот что... На территории противника наводит свой порядок батальон «морской пехоты». Майор Кологривский им командует. Вы с майором друг друга не перестреляйте...

Бармалеев вышел за дверь и двинулся по коридору, считая двери по правой стороне. Пятую дверь он нашел без труда, постучал в нее и, услышав приглашение, смело шагнул за порог.

Полковник Скорокосов сидел за своим рабочим столом, а на столе перед ним была развернута

карта близлежащих участков фронта. За спиной Скорокосова почтительно стояли два полковника, показывали что-то на той карте, один красно-синим карандашом, остро заточенным с двух сторон, второй короткой и тонкой бамбуковой указкой, загнутой с края. Одновременно что-то объясняли. При появлении Бармалеева оба полковника замолчали, словно желали сохранить нечто в тайне.

— А... Вот, кажется, и главное лицо нашего сегодняшнего действия прибыло... — сказал полковник Скорокосов.

— Разрешите представиться, товарищ полковник. Подполковник Бармалеев, командир батальона спецназа военной разведки... — по форме обратился подполковник к полковнику.

— Мы немного знакомы, — напомнил Скорокосов. — Вы же, кажется, когда возглавляли действия «синих» на учениях против спецназа ФСБ, только-только получили под свое начало батальон.

— Так точно, товарищ полковник. Хочу напомнить, что результаты учения были заранее спланированы в угоду третьим лицам.

— Вы не согласны с результатом. — Скорокосов нахмурился. — Не любите проигрывать...

Он повернулся к двум полковникам, поочередно посмотрев на одного и другого.

— «Красные» в тот раз победили... — сообщил он.

— У них спецназ состоит из одних офицеров, а у меня только половина состава была из «контрактников», а вторую половину составляли призывники, ничего, по сути дела, еще не умеющие. Кроме того, спецназ ФСБ оснастили приборами по последнему слову техники. А нас нет.

— Например... — поинтересовался полковник Скорокосов.

— Им выделили газовые анализаторы воздуха, а нам выдали только половину запрошенной партии памперсов для сидения в засаде. Этот запас быстро кончился, и анализаторы воздуха показывали спецназу ФСБ местоположение наших засад по запаху мочи... Этого при подобном раскладе было не избежать.

— А куда вы прятали использованные памперсы?

— Как и полагается, закапывали глубоко в землю, товарищ полковник, — на глубину не менее метра.

— Я, честное слово офицера, был не в курсе этих тонкостей, хотя входил в комиссию по утверждению результата. И результат меня тогда, скажу честно, расстроил... Но это дело прошлое. Пора уже забыть былые обиды. Сейчас одно общее дело делаем.

— Я уже забыл, товарищ полковник. Я вообще человек не обидчивый.

— По внешнему виду не скажешь... — выразил свое мнение один из полковников, тот, что держал в руке бамбуковую указку.

— Никогда не судите по первому взгляду, товарищ полковник... — ответил Бармалеев.

— Нам только споров здесь и не хватало, — проворчал Скорокосов. — Вернемся к сегодняшнему дню, вернее, к сегодняшней ночи.

— Я готов к выполнению любого задания, как и весь мой батальон... Результат был бы не такой, как недавно, когда пришел приказ отступать уже после почти полной победы.

— К сожалению, разведка слишком поздно донесла, что на ближнюю позицию выдвинулись «Грады» противника и батарея гаубиц. Наши наступающие войска, и в первую очередь ваш, товарищ подполковник, батальон были бы просто перемолоты массированным артиллерийским налетом, — сказал один из полковников, что стоял за спиной Скорокосова. — Плюс к этому — три минометные батареи были готовы к действию. Позиция у минометчиков тоже заранее пристреляна. И отступали «игиловцы» целенаправленно, заманивали противника на пристреленные позиции.

— Этого обстоятельства я не знал, — вынужденно признался Бармалеев.

— И потому мы вспомнили о вашем батальоне... — продолжил второй полковник. — Вы же прошли специальную тренировку по уничтожению «Градов». Смотрите в карту.

Бармалеев подошел вплотную к столу.

— Вот это наши позиции. — Указка обрисовала круг. — Синим карандашом обозначен «коридор» в минном поле.

— Пользуясь темнотой, вы проходите большую часть коридора ускоренным маршем, — подсказал полковник с красно-синим карандашом в руке.

— От окопов до начала минного поля около пятидесяти метров, — продолжил его коллега с указкой. — По краю минного поля вы пускаете свой взвод саперов, которые обучены искать мины. А тем временем весь батальон скрытно ползком преодолевает два с половиной километра между окопами и минным полем и выходит вот сюда... — Указка ткнула в карту. — Здесь соединятся позиции двух подразделений ИГИЛ — собственно ИГИЛ и «Фронта ан-Нусра», которая с ИГИЛ не слишком ладит — власть никак не могут поделить... И потому между подразделениями существует не занятый никем участок протяженностью в сорок — пятьдесят метров. Это как раз то место, где батальон может пройти в глубину территории противника.

— А откуда эти данные? — спросил Бармалеев.

— Вчера над этим местом летал и производил съемку наш разведывательный дрон.

— Днем летал?

— Днем. А какая, в принципе, разница...

— Днем его должны были заметить и определить это место как место возможного прорыва, а сейчас уже подготовиться к ликвидации этого возможного прорыва. Я бы рекомендовал вам запустить дрон сейчас, пока ночь, и инфракрасная камера определит существенное увеличение площади окопа в этом месте. Причем с двух сторон. Проходить вы нам, естественно, рекомендуете по дну высохшего ручья. А позиции и ИГИЛ, и «Фронта ан-Нусра» значительно выше, следовательно, они могут стрелять, не опасаясь попасть друг в друга. И уничтожить батальон. Но не это самое главное. Батальон до них просто-напросто не доберется. Пока я доеду до позиции, пока проведу инструктаж — пройдет время и станет уже почти светло. Мы, растянувшись перед окопами в линию, будем прекрасной мишенью для стрелков. Нас просто расстреляют, пока будем ползти. И потому я прошу командование перенести операцию на завтрашнюю ночь.

— Это невозможно... — категорично заявил Скороков. — Ночью саперы могут снова заминировать свой «коридор».

— Невозможно... — подтвердил полковник с указкой.

— Никак невозможно, — подтвердил его коллега с красно-синим карандашом.

— Я не имею права жертвовать своим батальоном, — не менее категорично заявил Бармалеев.

— Какой у вас норматив по передвижению по-пластунски? — поинтересовался Скорокосов.

— Восемь километров в час. Чуть-чуть быстрее прогулочного шага. Это без учета маскировки. То есть мы передвигаемся с этой скоростью, не стараясь остаться незамеченными. А в светлое время — это вообще невозможно.

— Да, пожалуй... — согласился Скорокосов. — Но я обязан доложить твое, подполковник, мнение генерал-полковнику... — Он встал и вышел. Остальные остались ждать. Скорокосов вернулся через пять минут.

— Генерал-полковник тебя требует, — с порога сказал он Бармалееву. — С картой вместе, — кивнул он на свой стол.

Полковник с указкой начал складывать карту. А Бармалеев задумался...

* * *

В кабинете генерал-полковника Сумарокова Бармалеев пробыл минут десять и вышел, пряча в нагрудный карман свой планшетник, на который

только что в генеральском кабинете переснял карту и циркулярно разослал ее всем офицерам и солдатам батальона. Офицеры приняли карту на точно такие же планшетники, а простые бойцы и сержанты — на приемоиндикаторы¹.

— Я сейчас позвоню, распоряжусь насчет транспорта, — сказал на прощание генерал. — Мою машину здесь знают, пропустят везде. Ждать не придется. Да и водитель у меня опытный. Быстро домчит.

Бармалеев вышел из здания пассажирского терминала аэропорта, превращенного в штаб объединенных сил, и сразу ко входу ему подали машину. Водитель — сержант контрактной службы — опустил стекло и спросил только:

— Подполковник Бармалеев?

— Он самый.

— Садитесь на второй ряд сидений. Там удобнее.

На втором ряду было только два сиденья, между которыми располагался подлокотник с пультом

¹ Приемоиндикатор — прибор, внешне напоминающий смартфон, хотя выполняет многие функции планшетника, фотографирует нужные объекты и передает фотографии командованию, видит расположение других бойцов и командиров. Является, как и планшетник у офицеров, составной частью экипировки «Ратник».

управления климатом и два подстаканника. Открывать дверцу расположенного здесь же шкафчика Бармалеев постеснялся. Как постеснялся и включить компьютер, расположенный на задней части водительского подголовника.

За его погрузкой в автомобиль из своего окна наблюдал полковник Скорокосов.

— Надо же... Генерал даже свою машину подполковнику выделил. Торопится, видимо. Надо бы присмотреть за Бармалеевым, как бы дров не наломал... — И Скорокосов позвонил в гараж, потребовал подать ему к главному входу его боевую машину пехоты...

ГЛАВА 2

Полковник Скороков приехал в штабной блиндаж батальона спецназа военной разведки, когда там оставался один младший сержант-связист, только-только заступивший на смену и потому ничего не знающий о том, куда все удалились. А вскоре явился и начальник штаба батальона майор Лаптев.

— Здравия желаю, товарищ полковник. А я вижу, БТР стоит недалеко от блиндажа. Дай, думаю, посмотрю, кто к нам пожаловал. А это, оказывается, вы... Есть вопросы?

— Есть. Куда делся подполковник Бармалеев и где другие офицеры батальона?

— Все выполняют приказ генерал-полковника Сумарокова! Подполковник, наш комбат, вместе с ним разработал план новой операции по уничтожению «Градов» противника.

— Но мы же с оперативным отделом специально для вас и под вас разрабатывали план...

— Я в курсе. Но товарищ подполковник отклонил его. При этом плане батальон будет полностью

уничтожен. И я с комбатом абсолютно согласен. Комбат сам решил пойти на риск, выполняя новый план.

— На какой риск? — с некоторым даже возмущением спросил Скороков.

— На риск незапланированной атаки сил ИГИЛ.

— А какой тут риск! — возмутился полковник. — После полного разгрома нападавших у них просто сил на наступление не найдется.

— Товарищ подполковник вместе с товарищем генерал-полковником так и рассудили. И все же на всякий случай решили определенные силы здесь оставить.

— Какие силы?

— Линейную роту, отдельный взвод, взвод связи плюс роту сирийцев, которую генерал-полковник приказал перебросить нам из сирийского батальона.

— А сам подполковник с чем остается?

— У него в подчинении разведроты капитана Труфанова Сергея Юрьевича и взвод саперов под командованием старшего лейтенанта Соловейчикова Олега Николаевича.

— Но этого же для большой операции откровенно мало! — возмутился полковник.

— Я тоже сначала так думал, но товарищ подполковник сумел убедить меня, что этих сил хватит. Малые силы менее заметны.

— Убедите и вы меня, товарищ майор, — стоял полковник на своем.

— Моя фамилия Лаптев, а не Бармалеев... — только и ответил начальник штаба батальона. — И я не обладаю тем запасом аргументов, которым обладает мой комбат.

— Но ведь количество его бойцов сразу определят с первого же дрона...

— Подполковник захватил с собой два противодроновых ружья. В случае опасности любой дрон «посадят».

Со стороны противника раздалась пулеметная очередь, которая захлебнулась от глухо прозвучавшего взрыва гранаты, а потом и второго такого же взрыва.

— Похоже, прорыв сорвался, — заметил Скорососов.

— Напротив... — не согласился Лаптев. — Мне кажется, две гранаты с небольшим интервалом бросили в блиндаж и уничтожили всех, кто там находился. Из-за внутреннего взрыва и звук такой глухой. А это значит...

Полковник хорошо знал, что в блиндаж гранаты бросаются с небольшим интервалом. Первая — чтобы осколками поразить спящих, вторая предназначена для тех, кто после первого взрыва не пострадал от трехсот осколков, раз-

брасываемых «Ф-1», а только от испуга вскочил на ноги.

— Это значит, что помешать прорыву больше некому, — завершил фразу майора Лаптева полковник Скорокосов.

* * *

Бармалеев тем временем приблизился к противостоящему батальонному окопу ИГИЛ, который он совсем недавно еще так легко перепрыгивал. В наушниках перед тем раздались несколько отсеченных очередей — бойцы просто расстреляли тех противников, что оказались в окопе. Потом раздалась пулеметная очередь, быстро захлебнувшаяся после глухо прозвучавшего взрыва гранаты «Ф-1»¹, и последующий за первым второй взрыв.

Бармалеев уже по другую сторону окопа остановился, отдал приказание командиру саперного взво-

¹ «Ф-1» — ручная граната оборонительного действия, то есть разбрасывающая около трехсот осколков на дистанцию до двухсот метров, почему ее и рекомендовано бросать либо из окопа, либо из танка, бронетранспортера, либо внутрь помещения снаружи. Порой эту гранату называют «лимонкой», но отнюдь не за форму, напоминающую очертаниями лимон, а только по аналогии с английской гранатой конструктора оружия Лемона, имеющей сходный принцип действия, хотя и существенно отличающийся сам запал.

да старшему лейтенанту Олегу Соловейчикову, а сам, знаком позвав за собой командира разведроты капитана Труфанова, устремился за бархан, позади которого располагалась согласно карте, переснятой в штабе, нередкая для этих мест полоса «зеленки». Такие полосы часто встречались бойцам. Сирийцы желали остановить наступление барханов на плодородные земли Идлиба, а в провинции Идлиб большинство населения занято в сельском хозяйстве, они и высаживали полосы «зеленки» вручную. Наибольшую площадь «зеленки» занимают оливковые рощи. Но в них деревья посажены поодаль друг от друга, чтобы кроны не переплетались. И прятаться в такой роще было проблематично. Кроме того, здесь же выращивали и хлопок, и различное зерно, и виноград, и кунжут, и миндаль, и, конечно, томаты. Батальон Бармалеева интересовали больше других самые простые, барханосдерживающие кусты, поскольку в них можно было маскироваться и прятаться. Они не представляли такой ценности, как сельскохозяйственные посадки. Совсем другое дело, что эти же заросли привлекали внимание и «бармалеев», которые прятали в них свои «Грады» и гаубицы и стреляли именно оттуда.

Старший лейтенант Соловейчиков догнал командира батальона и командира разведроты, когда те остановились на берегу почти высохшего ручья.

— Кого ждем, товарищ подполковник? — спросил Соловейчиков.

— У моря погоды, — мрачно ответил подполковник, демонстрируя свое не лучшее состояние духа. Лучшим ему мешали стать обстоятельства.

Бармалееву было от чего расстраиваться. Дно ручья по сути превратилось в грязь. И любая попытка переправиться здесь через ручей легко выдала бы спецназовцев противнику, вздумай кто-то только прогуляться в свои тылы. А спецназ привык не оставлять за собой ни единого следа, способного выдать его присутствие.

— Что с преследованием, доложи... — потребовал комбат у командира саперного взвода.

Как раз к этому моменту в тылу батальона раздалась два взрыва, после которых в наушниках прозвучала автоматная стрельба АК-12.

— Думаю, что все. Преследователи перестали существовать. Я сам лично две мины поставил. Обе они и взорвались. А остальных бойцы взвода перестреляли.

— Где взял мины? — еще строже, чем подполковник, спросил капитан Труфанов.

— Там их целый склад. Был... — Последнее слово прокомментировал мощный взрыв в тылах «игиловцев», с одновременным выбросом вверх земли, пламени, ветвей и кустов. — Я склад-зем-

лянку заминировал. Пусть думают, кто-то из своих по неосторожности подорвался.

— Много парней они за нами послали? — продолжал свои расспросы Бармалеев.

— Нет, думали, наверное, что фронт перешла простая ДРГ¹... Полувзвод и послали на наше уничтожение. Посчитали, что этого хватит.

— А склад с минами ты зря взорвал... — сказал Труфанов. — Надо было сперва своим дать зарядиться.

Бармалеев промолчал. Он отлично знал, что старлей Соловейчиков никогда не упустит возможности загрузить рюкзаки бойцов своего взвода опасным грузом.

— Что там позаимствовал? — наконец поинтересовался Бармалеев.

— Американские мины М-14². Официально они захвачены на складах иракской армии. Но те давно уже кончились бы. А неофициально америкосы их продают «игиловцам», как и гаубицы «Три семер-

¹ ДРГ — диверсионно-разведывательная группа. Обычно состоит из 3—5 бойцов. Но порой бывает и больше.

² М-14 — противопехотная американская мина нажимного действия. Снята с вооружения США в 1974 году, тем не менее на складах в США остается около 1,5 миллиона этих мин. Кроме того, собственное производство подобных мин по сей день осуществляют такие страны, как Индия и Вьетнам.

ки»¹. Я их взял, чтобы думали, будто на своих минах рвутся. От взрыва российской эта сильно отличается. Даже звуком...

— Что делать будем? — спросил капитан, скорее у самого себя, чем еще у кого-то.

— Перекат искать, — подсказал Соловейчиков. — По бывшему перекату переправляться — милое дело. Никаких следов... — Он словно мысли комбата читал. — Пойду гляну. Ниже по течению шумит вроде бы...

И Соловейчиков, только что стоящий рядом, вдруг исчез из поля зрения командира батальона и командира разведроты. Капитан Труфанов не так давно прибыл из резерва бригады в батальон и не успел еще привыкнуть к исчезновениям старшего лейтенанта, как привык к этому подполковник, и потому стал искать Соловейчикова глазами, но найти не смог.

Вернулся старший лейтенант через три минуты. Так же, как исчезал, появился на своем прежнем месте, словно бы ниоткуда. И сразу же доложил:

¹ Гаубица «Три семерки» — буксируемая гаубица М-777, мощное артиллерийское орудие калибра 155 мм. Не имеет аналогов по своему весу за счет широкого применения деталей из титана, изготавливаемых в Великобритании. Стоит на вооружении армий США, Канады, Бразилии, Индии, Саудовской Аравии, а с 4 мая 2022 года — и Украины.

— Там пост выставлен. Пара часовых. Водку жрут и финиками закусывают. Косточки фиников разбрасывают. В меня нечаянно попали. И травку курят. Надолго их не хватит. Быстро, похоже, скукожатся. Их, скорее всего, у переката и выставили от нас сам перекат охранять. Только толку от такой охраны мало.

— Ты часовых почему не снял? — недобро спросил капитан Труфанов.

— Двоих подстрелить нехитрое дело. Но нельзя их снимать... — терпеливо, как учитель ученику, сказал Соловейчиков. — Я же не знаю, когда у них смена. Разводящий первый поднимет тревогу, когда не найдет их на месте. А вдруг смена уже вышла? Я же не в курсе...

Командир саперного взвода посмотрел на комбата, тот только молча кивнул, одобряя действия Соловейчикова и подтверждая, что снимать часовых не следовало.

— Все равно два ствола за спиной оставлять рискованно, — высказал свое мнение капитан.

— И что делать будем? — спросил у офицеров Бармалеев.

— Выше по течению вроде бы что-то шумит. Может, тоже перекат? Я гляну.

Он исчез так же внезапно, как в первый раз. Только в этот раз не появлялся дольше. Наконец в наушниках раздался его высокий голос:

— Товарищ подполковник, товарищ подполковник, сюда двигайте. И капитана не забудьте. Здесь даже машины переезжали. Транспортировочно-загрузочные от «Градов». А может, и сами «Грады» с ними вместе...

Бармалеев вошел в воду, едва скрывавшую подошву его обуви, но капитан Труфанов тут же по связи окликнул его:

— Сзади!

Подполковник резко, хотя и без звука, отпрыгнул в береговые кусты, местами доходящие до самой воды, и только после этого обернулся. Метрах в пятидесяти за ними на большом, выступающем из воды округлом валуне сидели двое часовых с автоматами за плечами. Початая бутылка водки стояла на соседнем камне. Правда, сидели они к офицерам спецназа спиной, но любой из часовых мог не вовремя обернуться и увидеть комбата даже в предутренней темноте.

Бармалеев спрятался вовремя. Как раз один из часовых, устав, видимо, сидеть на валуне, спрыгнул на плоский камень под ногами и посмотрел на русло ручья — вверх по течению. Но то ли он сделал это слишком поздно, то ли ночная темнота еще не полностью рассеялась, но командира батальона он не увидел, а командир разведроты смотрел сквозь ветви кустов и, хотя он и повернул

ствол своего автомата в сторону часового, стрелять все же не стал.

Два офицера свернули за поворот ручья, прошли еще немного и оказались среди своих. У нового переката собралась вся разведрота и весь саперный взвод. В этом месте ручей был особенно широк и многоводен. Весной вода упиралась в камни и размывала песчано-грязевое дно. А к середине осени камни уже оказались под небольшим слоем воды. Бармалеев прошел почти до середины ручья, постоянно посматривая влево. Не окажется ли он замечен с поста, где пара часовых пила водку и закусывала финиками. До поста, по мнению подполковника, было чуть больше, чем девяносто метров. Казалось бы, можно и увидеть. Однако что-то заставило часовых покинуть место наблюдения. Бинобль с дальномером и с эффектом ночного видения показывал только валун, на котором раньше сидели часовые, но людей рядом видно не было.

Командир батальона остановился и внимательно рассмотрел место, где на плоском камне отчетливо отпечатался след автомобильной шины. Чуть дальше Соловейчиков рассматривал дно ручья в месте, где сдвоенные задние колеса то ли элементарно не вписались в импровизированный мост, то ли просто сорвались со скользких камней. Мутная вода в этом месте давно уже ушла вниз по течению, но

колеса прорыли в грязном песке широкую и довольно глубокую колею.

— Здесь явно буксовал грузовик...

— И не один, похоже, — добавил старший сержант Яков Крендель, бывший студент Киевского государственного университета, заместитель командира саперного взвода. — Если по следам судить, то здесь прошли сначала несколько «Градов», а следом за ними уже транспортировочно-заряжающие машины.

— И прошла, похоже, целая батарея «Градов», которую мы и ищем, — добавил подполковник. Он вытащил из нагрудного кармана свой планшетник с картой, с которой сразу же удалил часть условных обозначений. И, используя циркулярную систему связи с другими планшетниками и приемоиндикаторами, разослал уточнения всем, кому они были нужны.

Бармалеев еще раз посмотрел в бинокль на валун, где еще недавно сидели двое часовых, но снова никого не увидел. И только в последний момент, когда командир батальона уже хотел убрать бинокль, часовые вышли на открытое место, но подполковник без труда определил, что это уже другие люди.

— Олег Николаевич, — обратился он к командиру саперного взвода, — часовые только что сменились.